

ТАЙНЫ «БОЛЬШОГО ГНЕЗДА»

Геннадий Мокеев

«**Б**ольшое Гнездо» — это, по существу, еще неведомое, до сих пор не осмысленное в достаточной степени явление в русском искусстве. В нем — все уникально. Прежде всего это целая галерея шести портретов XII века! Да еще реалистически исполненных портретов скульптурных, точнее, резных, вырубленных из камня, — и это на христианской Руси, где скульптура была запрещена, считалась идолопоклонством. Но «галерея портретов» этот ряд фигур, ликов мы называем условно, чтобы таким образом его рассмотреть. На самом же деле это — один большой групповой портрет отца с пятью разновозрастными сыновьями. И здесь явление опять же удивительное — светский семейный портрет на фоне почти сплошь церковного искусства Руси! К тому же мастерски скомпонованный в едином сюжете. В нем особо выделен отец с самым маленьким сыном. Портрет «именной» — можно назвать имена всех шести персонажей: отец — великий владимиросуздалский князь, дети — будущие великие князья. Наконец, это произведение искусства, хорошо сохранившееся на открытом воздухе в продолжение целых 800 лет.

Посреди города Владимира на высоком берегу Клязьмы стоит знаменитый белокаменный резной собор во имя св. Дмитрия Солунского. Построил его на своем дворе великий владимиросуздалский князь Всеволод III (1176–1212). Собор — наилучший образец древнерусского православного храма. Поделенный на два яруса, собор символизирует Земную и Небесную церкви. Четыре стены нижнего яруса означают народы, притекающие с четырех сторон света и составляющие единую церковь. Верхний ярус — Небесный Град: 12 полукруглых закомар храма изображают 12 врат Горнего Иерусалима (по трое на четыре стороны света). Над кубом символического Храма-Града возвышается Престол Господень (круглый барабан). Над ним в свою очередь поднимается верх — Голгофа (лоб, череп) и символ Христа — крест, с сидящим на нем голубем — символом Святого Духа. В закомарах-вратах Храма-Града изображен Небесный Рай. Между чудесными растениями бродят и летают крылатые грифоны, львы, кентавры, единороги, сирины... Выше к не-

бу вознеслись ангелы. На западной, «парадной стороне» Рай уже уселся на трон библейский царь Давид. С других сторон видны мифические Самсон, Геракл, легендарный полководец древности Александр Македонский...

А вот на северной, лишенной солнца стороне, как бы в тени райского великолепия, да еще в самом дальнем глухом уголке сказочного сада скромно расположилось вполне земное семейство. Только сравнительно недавно, в 1960-х годах, изображению дал объяснение Н. Н. Воронин — замечательный археолог и историк Владимиро-Суздальской Руси: «Особый интерес представляет большая композиция в восточной закомаре северной стены. Здесь представлена сидящая на троне человеческая фигура с ребенком на коленях; по сторонам ее симметрично (по две) расположены четыре фигурки в коротких одеждах с молитвенно вытянутыми к сидящему руками и полусогнутыми в коленях ногами... Перед нами, несомненно, изображение Всеволода Ш... Пять мужских фигурок — соответственно числу сыновей Всеволода». Н. Н. Воронин не стал детальной рассматривать изображение великокняжеского семейства, как бы предоставив возможность нам самим ближе познакомиться с ним.

Прозвище «Большое Гнездо» получил Всеволод III, как считается, за множество детей, за большую семью. Но это неверно хотя бы уже потому, что некоторые древние великие русские князья имели более многочисленные семьи: Владимир Великий, Ярослав Мудрый, Юрий Долгорукий... Однако лишь Всеволод получил такое довольно отвлеченное для князя прозвище. А оно легко объясняется существованием изображения на стене Дмитриевского собора.

Стены храма покрыты резьбой, изображающей райскую растительность. «Гнездо» расположено как бы на верхних ветвях чудесного сада, наверху райских деревьев. «Нестареющий выводок» вечно видели, задрав головы кверху, сначала современники, затем наследники, потомки. «Гнездо» названо «Большим» также не за его величину, а за наличие в нем великого князя и еще четырех будущих великих князей: потомки знали их уже как пятерых великих князей.

Дмитриевский собор. XII в.

В этой связи оно не случайно называлось еще «Великим Гнездом».

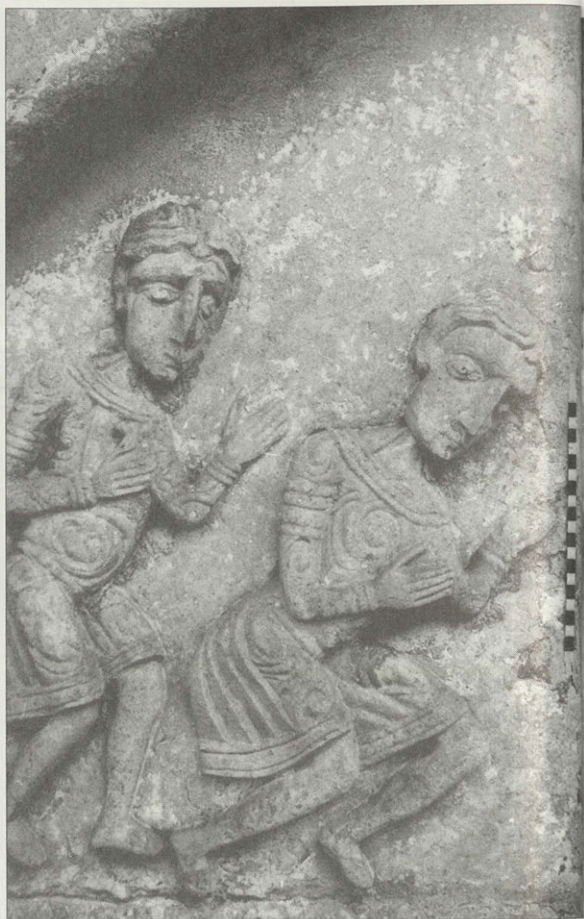
Оказывается, в терминах «Большое» или «Великое Гнездо» следует различать три понятия: в первую очередь каменный рельеф Дмитриевского собора, затем — необыкновенное семейство Всеволода и только потом — редкое прозвище князя. Рельеф храма и семейство его создателя неразрывно соединены смыслом точно данного прозвища. Оно подкрепляет этим в свою очередь правильность атрибуции персонажей, данной Н. Н. Ворониным, а сам рельеф становится добротным историко-археологическим источником для дальнейших исследований.

Удивляет уже сам факт размещения шести еще «живых душ» в Раю, в Небесном Граде Иерусалиме. Можно ли было помещать их в Царство Небесное к Давиду, Гераклу, Александру Македонскому?.. «Большое Гнездо» появилось, скорее всего, по аналогии, как звено в цепочке сходных образов, которые копировались на разных храмах из века в век.

Ближайшим образцом для «Большого Гнезда», очевидно, послужило изображение середины XI века многочисленного семейства Ярослава Мудрого в соборе св. Софии Киева. Оно — фресковое, расположено внутри храма, над западными дверями. Дети Ярослава стоят фронтально по росту, а сам Ярослав преподносит модель храма св. Софии невидимому, сидящему на троне Иисусу Христу (образ не сохранился). Фреска была исполнена, очевидно, греческими мастерами, конечно, по аналогии с подобными же изображениями византийских храмов. Например, над южными дверями собора св. Софии в Константинополе имелось мозаичное панно рубежа X—XI вв., изображавшее сидящую на троне Богоматерь, которой император Юстиниан (527—565) преподносил модель храма св. Софии.

Конечно, каждый последующий образ чем-то отличался от предыдущего. Значительно отличается от изображения семейства Ярослава Мудрого и «Большое Гнездо». Оно находится снаружи храма, и потому его стало возможным сделать резным, приближенным к скульптуре. Всеволод не подносит кому-либо храма, а разместился со всем своим семейством в Раю, — скромно, почти незаметно, в дальнем его уголке. Это оказалось позволено «райским сюжетом» размещения там царей, героев, полководцев. Всеволод считал себя справедливым государем, идеальным отцом, безгрешным христианином, а поэтому — достойным Небесного Рая. В такой светлой перспективе будущего бытия воспитывались им и дети, изображенные коленопреклоненными в молитвенных позах перед отцом.

Главная особенность «Большого Гнезда» — портретное сходство персонажей.

Эта сложнейшая сама по себе задача — требование точного воспроизведения в камне шести реальных лиц — была совсем иной, нежели задачи мастеров, вырубавших на других местах храмовых стен мифические личности. К тому же задача предполагаемых трех портретистов (по числу трех камней с фигурами «Гнезда») усугублялась чрезвычайно строгим судейством: жив был сам великий князь, его окружали сыновья, многочисленный княжий двор; вокруг работало еще 30–40 профессиональных резчиков-судей. Поскольку портрет Всеволода с сыновьями был в итоге смонтирован на стене собора для вида потомкам, можно считать, что художники-портретисты успешно справились со своей задачей: их произведение прошло сверхстрогий суд, было одобрено «высокой приемной комиссией». Во всем этом — залог верности облика великого князя и его сыновей.

Групповой портрет необычен со стилистической точки зрения. В реалистической, можно даже сказать, натуралистической манере исполнены только головы персонажей. А туловища, руки, ноги показаны средневековому схематично. Этот разитель-

«Большое Гнездо» — великий Владимиро-Суздальский князь Всеволод III с сыновьями, будущими великими князьями: Ярославом, Юрием, Константином, Святославом и маленьким Владимиром — первым московским князем

ный контраст натурализма и схематизма позволяет говорить о «собственно портрете», то есть изображении по преимуществу лиц, ликов. При этом весь рельеф остается декоративным, «по-соборному» монументальным, по-своему символичным. Древняя Русь оставила здесь единственный в своем роде скульптурный «семейный портрет», хотя он и запечатлел только мужскую (воинскую) часть семьи Всеволода.

«Гнездо» позволяет точно датировать время окончания строительства Дмитриевского собора, а затем расписать по порядку имена изображенных на нем пятерых детей. Осенью 1198 года у Всеволода родился шестой (из живых) сын Иван, а в семейном портрете его еще нет. Раньше, в 1187 году, родились близнецы Борис и Глеб, но один умер, не прожив года, другой — двух лет. Нет возле трона, естественно, и четырех дочерей. В 1197 году, конечно же, к оконча-

нию Дмитриевского собора, греки прислали Всеволоду из Солуни реликвию: лицевую крышку от гроба св. Дмитрия Солунского. Можно поэтому считать, что рельеф, как и собор, был в основном закончен летом 1198 года.

Летописные даты рождения княжат несколько путаны, и порядок старшинства детей у разных историков не совпадает. Здесь их ряд отсчитан по данным В. Татищева, А. Нечволодова и Н. Воронина, а подтверждается еще различной величиной фигур «Большого Гнезда». Старшему Константину на нем 13 лет, и как наибольший по размерам фигуры он показан слева от отца (на правом камне, если смотреть на рельеф). Вторым был Юрий 10 лет, и как второй по величине он показан справа от отца (на левом камне). Третьим был Ярослав 8 лет — он позади Юрия. Четвертый Святослав 7 лет — он за Константином. Наконец, младший Владимир 4 лет сидит на коленях отца. Размещение фигур на трех камнях — по две на каждом — позволяет сгруппировать их попарно.

Две фигуры среднего камня — наибольшая и самая маленькая — главные. Они

расположены по оси круглой закомары собора и даже выглядят самостоятельно, так как композиционно здесь все замкнуто, завершено. Портрет отца с маленьким сыном — уникален, поскольку подобное имелось лишь на иконах Богоматери с Младенцем. Исполнил его мастер-художник высочайшего класса, о чем, в частности, можно судить по лицу Всеволода, на котором тонко передано богатство интеллекта великого князя. Мастер этот, очевидно, возглавлял всю артель художников-резчиков.

На среднюю группу приходится и главная смысловая нагрузка всей композиции рельефа. Еще Н. Н. Воронин задавался вопросом: кого из детей держит на коленях Всеволод? И отвечал: «Думаем, что на руках отца изображен родившийся в 1194 году Владимир. По свидетельству летописи, он родился в канун праздника Дмитрия (патрона Всеволода). Всеволод же повеле учинить сынову своему во свое имя Дмитрий в святом крещении, а княжее имя учини ему Володимер — деда своего имя Мономаха Володимера. Центральное положение в скульптурном семейном портрете на стене собора именно Владимира определялось тем, что оба — отец и сын — носили христианское имя Дмитрия».

Хотя князь показан в дорогой, узорчатой одежде, он не восседает торжественно на высоком владимирском золотом столе. Нет на нем ни дедовской «шапки Мономаха», ни других официальных знаков великокняжеского достоинства. Такой парад нужен для людей. «В Раю перед Богом» он неуместен. К тому же Всеволод находится среди своей семьи, детей, а потому просто и непринужденно сидит с ребенком на троне, как в обыкновенном кресле, нежно поддерживая сына рукой. Смотрит князь спокойно, с достоинством. Он, пожалуй, красив. У него несколько длинноватый нос греческого типа, правильный овал лица и, что необычно для Руси, лицо гладко выбрито.

Своеобразие можно отнести на счет происхождения князя и византийского воспитания. Боголюбивый старший брат Андрей выгнал еще семилетнего Всеволода с братом Васильком и матерью их гречанкой Ольгой (в иночестве Ефросинией, второй женой Долгорукого) из Залесской земли. Им пришлось уехать в Византию и кормиться там милостию императора Мануила Комнина. Всеволод вернулся на Русь около 1169 года, пробыв, вероятно, в Солуни почти 8 лет (самое время аристократического воспитания от 7 до 15 лет).

Маленький Владимир обращен к отцу. У сынишки такой же «породистый» нос и надутые детские капризные губы. Он сидит не столько на колена отца, сколь мимо колена — на троне вместе с отцом. Как бы, по словам Господа: «Побеждающему... дам сесть

со Мною на Престоле Моем». В такой связи Н. Н. Воронин писал: «С этим наследником (у Всеволода) связывались, очевидно, какие-то особые династические соображения, раз он столь многозначительно был назван в честь своего знаменитого прадеда» (Мономаха). Однако в реальной жизни династические соображения Всеволода не оправдались.

Просматривая скудные летописные сведения жизни Владимира Всеволодовича, мы не найдем в ней ничего выдающегося. Он и остался бы, пожалуй, безвестным князем, каких было сотни на Руси, если бы не одно обстоятельство. В. Н. Татищев сообщил, опираясь на какой-то неизвестный летописный источник, что Владимир умер в 1227 году князем московским (точность записи великого русского историка не вызывает сомнений). Он почти самовольно княжил на Москве в 1212–1213 годах и по общему признанию князей-братьев в 1217–1227 годах. После кончины 6 января 1227 года он положен был в Успенском соборе Владимира-Залесского возле отца и старшего брата. Первый московский князь жил всего тридцать лет и три года, а княжил на Москве в общей сложности одиннадцать лет.

Портрет Всеволода с маленьким Владимиром кажется ныне по-особому символическим. В нем отражена недостаточная разуму игра судьбы, мистического смысла которой, конечно, никто не знал, не понимал, в том числе и сам великий владимирский князь. Разве мог предполагать Всеволод в 1198 году, что, взяв на руки маленького Владимира (для позирования художнику-резчику), он вынул из своего «Гнезда» и тем самым выделил, впервые показал всему свету будущего первого московского князя? И посмотрите на рельеф: четыре будущих великих князя молитвенно как бы приветствуют это символическое действие отца!

Разве мог знать Всеволод перед своей кончиной в 1212 году, что, уже избрав Владимира первым московским князем, а саму Москву назначив стольным городом небольшого удельного княжества, он совершил второе символическое действие: Владимиро-Суздальская земля (олицетворенная Всеволодом) породила и впервые возвысила Москву (олицетворенную Владимиром) — будущую столицу всей Русской земли, огромного Русского государства. Даже в XVII веке люди недоумевали: «Почему было государству Московскому царством быти и кто то знает, что Москве государством слыти?» А в XII–XIII веках все было еще «в руке Божией». Указанные символические чудеса, которые никак иначе не назвать, и видятся ныне в рельефе северо-восточной закомары Дмитриевского собора.

На правом камне показаны Константин и Святослав. Они вырублены не так мастерски, как фигуры средние. Братья разновоз-

растны (13 и 7 лет), но лица их почти одинаковы и этим не очень выразительны. Однако суждение о недостаточном мастерстве в исполнении лиц может быть ошибочным, если они походили друг на друга. Расположение именно этих братьев вместе на одном камне оказалось провидчески не случайным. Не только в смиренных лицах, но и в судьбах князей было много общего, сходного в интересах и жизни. Оба были «мягкими», поистине христианскими государями, правдолюбцами-богоискателями, усердными богомольцами, много сделавшими для распространения и укрепления в народе православной веры. Даже умерли они одинаково: приняв схиму, каждый у себя дома, в своей постели.

Константин особенно прославился строительством каменных храмов в своем ростовском уделе, очевидно, сразу же взяв себе все артели строителей своего отца. В 1213 году в Ростове был заложен огромный Успенский собор, оконченный только через 13 лет. В 1214–1218 годах там же, на княжьем дворе, возводится церковь св. Бориса и Глеба в память не только о первых русских святых, но и двух братиках-близнецах, умерших в раннем детстве — Константин помнил их, в отличие от более молодых своих братьев. В 1215–1219 годах ростовский князь строит Успенский собор в своем Ярославле, в 1216 году был заложен там же монастырский собор Спаса Преображения, законченный через 8 лет. Во Владимире за одно лето 1218 года строится на торгу церковь Воздвижения Креста Господня.

По мере высвобождения артелей каменщиков Константин направил в 1218 году одну из них в свой Углич на строительство Спасского собора, другую — на сооружение собора св. Константина и Елены одноименного монастыря под Владимиром, третью, возможно, уступил своему любимому братцу Владимиру-Дмитрию для строительства в Москве первой белокаменной церкви св. Дмитрия Солунского в 1219–1221 годах. Великим владимирским князем Константин был более двух лет, с 1216 по 1219 год.

Константин еще при своей жизни прослыл мудрым князем. В 1218 году полоцкий епископ Владимир привез ему из Константинополя часть древа Креста Господня (для храма на торгу во Владимире), мощи Марии Магдалины и Логвина-сотника, а также книги греческих учителей церкви для созданной князем школы, библиотека которой в итоге стала насчитывать более тысячи одних только греческих книг. Но жизнь князя неожиданно прервалась в начале 1219 года. Февральской порой весь столичный город Владимир с плачем провожал рано умершего 38-летнего Константина Мудрого — боголюбивого и справедливого князя.

Святослав был еще более кротким, богобоязненным князем. Получив от отца в 1213 году небольшой Юрьев-Польской, он почти до самой смерти оставался «юрьевским» князем, хотя кратковременно княжил в Новгороде Великом, Суздале. В 1246 году после смерти Ярослава он занимал великокняжеский стол, но в 1248 году его «прогнал» с него московский племянник Михаил Хоробрит. С гибелью Хоробритика в 1249 году Святослав снова занял владимирский стол, но опять был смещен: ярлык на великое княжение получил в Орде другой буйный Ярославич, городецкий князь Андрей.

Еще в 1228 году от Святослава ушла в монастырь жена. А он, разобрав в 1230 году ветхий городской собор во имя св. Георгия, построенный еще дедом Юрием Долгоруким, выстроил на старых фундаментах к 1234 году новый белокаменный храм — самый резной, самый узорчатый во всей Залесской земле. Летописец отметил особо, что Святослав непосредственно участвовал в строительстве храма — «сам бе мастер». Вполне возможно, работая на досуге молотком и зубилом, он действительно ряд лет покрывал собор растительными узорами, вырубая их по белокаменным стенам. Святослав и похоронить себя завещал возле чудесного райского храма, а не с отцом и братьями во владимирском соборе. Положили его в приделе св. Троицы при соборе св. Георгия — как бы в специально созданном для него в 1252 году символическом «Доме Святой Троицы» — «Небесном Граде». Почему Святослав захотел таким образом отдалиться от семьи? — кто знает. Возможно, здесь противостояли кротость и буйство.

На левом камне показаны Юрий и Ярослав — два наиболее воинственных князя, что вызывает удивление при сравнении с двумя князьями-миролюбцами на правом камне. Лики князей-воинов были вырублены сначала, вероятно, так плохо, что позднее оба попросили их исправить, сделать более похожими. Заменить весь камень не представлялось возможным. Поэтому главный мастер, вырубавший портрет Всеволода и Владимира, вероятно, удалил только головы княжичей и вместо них вставил на растворе новые лики, вырубив их сам. «Вставленность» голов хорошо видна на фотографиях, как и очень мастерское их исполнение. Но даже если после тщательных исследований это утверждение оказывается ошибочным: любой скульптор скажет, что зрительно головы «отделены», то есть не соединены органично с туловищами. Особенно мастерским исполнением привлекает к себе внимание лицо Юрия. Ему было в 1198 году всего 10 лет. Но на портрете — все 17–20. Может быть, смена лика была произведена не сразу, а спустя 7–10 лет, — так лицо выглядит не по-детски старше. Как бы там ни

было, нахмуренное лицо Юрия дышит мужеством, суровостью, благородством. Он — рыцарь с юных лет и таковым предстает на портрете. По соседству с ним лицо маленького Ярослава какое-то беспечное, хотя оно слегка подпорчено временем (откололся кончик носа), и поэтому вид его искажен.

Здесь особенно обращают на себя внимание длинные «греческие» носы Всеволодовичей. Но следует принять в расчет то, что носы могли быть удлинены скульпторами нарочно, с учетом нижнего ракурса осмотра фигур (иначе были бы видны одни ноздри). Поправки на «ракурс» были сделаны, очевидно, и для других частей фигур и ликов (брови, прически, глаза...).

Юрий был великим владими́ро-суздальским князем в 1212–1216 и в 1219–1237 годах, в общей сложности 22 года. На портрете он — правая рука отца. Это был суровый, воинственный князь, воевавший даже против своих братьев Константина и Владимира. Кстати, отвоевав болгарскую крепость, он основал в 1220 году Нижний Новгород.

Погиб Юрий трагично: окруженный татаро-монгольским войском Батыея, в безнадежной рубке на реке Сити в 1238 году. Епископ Кирилл, пришедший туда после побоища, разыскал в кучах заснеженных трупов лишь безглавое тело великого князя, которое привез в Ростов. Только после третьего прихода он отыскал голову Юрия. Напрямую сбылось «мистическое предсказание» «Большого Гнезда»: Юрий на рельефе и в гробнице Успенского собора во Владимире с отделенной от туловища головой. Церковь канонизировала Юрия Всеволодовича и трех его сыновей, также погибших в битвах с татаро-монголами.

Ярослав был еще более воинственным князем, чем Юрий. Почти всю свою жизнь он провел в походах и битвах, воюя не толь-

ко с немцами, шведами, татарами, но и со многими русскими князьями, даже со своими братьями. Это из-за его непримиримости произошла печально знаменитая Липицкая битва русских с русскими в 1216 году. Воинственный Ярослав несколько раз княжил в Новгороде, двух Переяславлях, даже в Рязани. Лишь в самом конце жизни он «набрал» общерусский масштаб: в 1236 году стал ненадолго великим киевским князем. А в 1238 году не поспел с новгородцами на Сити и остался жив.

После погрома Батыем Залесской земли Ярослав пришел на пепелище стольного Владимира, очистил его «от трупия», стал собирать разбежавшихся уцелевших жителей и восстанавливать город. Из второй поездки к Батю, затем в монгольскую столицу Каракорум не вернулся живым — был там отравлен. Посиневшее тело великого князя привезли в 1246 году во Владимир и похоронили в Успенском соборе вместе с отцом и братьями. Под конец жизни у него был девиз: «Положи душу свою за други своя и за Землю Русскую!» Не зря символический камень «Большого Гнезда» объединил Юрия и Ярослава: оба князя действительно сложили свои головы за Русскую землю.

«Большое Гнездо», его роковые камни хранят тайны своего времени. Еще в XIII веке исполнились все их странные «предназначения». Они сохранили до нашего времени память о великом Всеволоде и его великих сыновьях, а также о первом князе Москвы, о зарождавшейся в начале XIII века Московской Руси. В России вообще нет более символичного, более выдающегося, более драгоценного скульптурного памятника, чем «Большое Гнездо». Жаль только, что неведом его главный художник-резчик — мудрец и провидец.

Лев. Рельеф Дмитриевского собора во Владимире. XII в.
После реставрации 1999

